

Высокий долг русского советского писателя

СТАРИННЫЙ русский город на Волге — город Горький, прежде Нижний Новгород, известен и дорог русскому человеку.

Областная партийная организация пробудила народную инициативу, возглавила ее, и теперь посылает бьет ключом творческая мысль рабочих, колхозников, интеллигенции, служащих.

В старой России Нижний Новгород был известен всероссийским торговцем — шумной и нестройной ярмаркой, на которую стекались купцы за пенькой и салом, за цветной и лыком, за хлебом и солью.

Великий писатель видел в древнем Нижнем Новгороде не только горе и страдания трудового люда, — он рассмотрел в дымящихся, закопченных цехах Сормовского завода надвигающуюся революционную бурю и в своем бессмертном романе «Мать» показал пробуждение рабочего класса, его борьбу, его веру в победу над царизмом.

Под руководством Коммунистической партии и ее ленинского ЦК вся наша страна преодолела за минувшие 40 лет большую и славную путь. Нет больше нужды и горя, нет босков и кривляков, нет той, — душившей трудового человека, кабалы, которая гнала жизнь постылой и мрачной.

На станциях завода «Красное Сормово» строят большие суда, изменяющие вид не только Волги, но и других рек, в том числе и сибирских. Сейчас по Волге курсирует бесшумный красавец — теплоход на подводных крыльях «Ракета», символизирующий новую технику речного флота.

вительства о развитии жилищного строительства. Куда бы вы ни поехали теперь в Горьком — то ли в сторону Мызы, то ли в сторону Сормова, то ли в Балахне, автозаводу или Костову, — всюду увидите быстро растущие жилые поселки.

Областная партийная организация пробудила народную инициативу, возглавила ее, и теперь посылает бьет ключом творческая мысль рабочих, колхозников, интеллигенции, служащих. Долгое время все северные районы области страдали из-за бездорожья. Трудно было вывозить продукцию сельского хозяйства, животноводства, кустарных промыслов сквозь лесную чащобу и болота.

Большие перемены в жизни города и области вызваны сейчас созданием Горьковского экономического административного района во главе с Советом народного хозяйства. Совнархоз возглавили опытные руководители, с помощью партийных организаций сумевшие сразу внести заметные перемены в работу заводов, фабрик и строек.

К ИПУЧАЯ жизнь, созидательный труд народа, огромные преобразования, исторические победы в промышленности и в сельском хозяйстве — какие необозримые возможности для работы талантливого, вдумчивого и честного писателя, художника, композитора.

Между тем горьковская писательская организация — одна из крупнейших в Российской Федерации. Достаточно сказать, что в этом году написала интересную, яркую поэму «У огонька юности» М. Шестериков, в Москве издаются книги Н. Кочина, печатаются произведе-

ния А. Патреева, стал в театр пьесу Г. Федоров; выступают со своими произведениями Б. Пилипин, Н. Бирюков и другие. За годы Советской власти Горький дал советской литературе и журналистике немало одаренных литераторов, многие из которых сейчас ведут большую творческую работу в журналах, газетах, издательствах.

И. БИРЮКОВ, секретарь Горьковского обкома КПСС

Пилипин, Н. Бирюков и другие. За годы Советской власти Горький дал советской литературе и журналистике немало одаренных литераторов, многие из которых сейчас ведут большую творческую работу в журналах, газетах, издательствах.

Разве не должно привлечь самое пристальное внимание художников слова старинное Сормово с его более чем столетней историей, с его революционной борьбой, героизмом русских рабочих? Как это ни странно, мы еще не имеем впечатляющих произведений о Сормове, о сормовичах наших дней.

РУССКАЯ литература завоевала всемирную известность. Она учит и воспитывает миллионы людей. Произведения русских классиков служат примером для многих и многих писателей всех стран и народов.

А. М. Горький заложили основы пролетарской литературы, впервые воспел труд, простого рабочего человека, стал буревестником пролетарской революции. Современная русская советская литература дала немало замечательных произведений, показывающих всемоу человечеству нашу советскую жизнь.

Выступление Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства дает нашим писателям и деятелям искусства верный компас в их работе, позволяющий им смело идти к вершинам мастерства, широко охватывать жизненные явления.

Вступая в сорок первый год существования Советского государства, русские советские писатели в гор. Горьком, как и во многих других местах Российской Федерации, умножат славные традиции русской литературы, обогатят наш прекрасный русский язык, создадут произведения, достойные нашей великой эпохи строительства коммунизма.

Наша поездка по Алтайскому краю, в небольшом письме рассказать о ней невозможно. Надо лишь попытаться передать читателю самое главное. А оно, по глубокому моему убеждению, заключается именно в этом всеобщем поступательном движении, в ярко выраженной тенденции развития, охватывающей во всех явлениях внешней жизни, в оптимистическом и плодотворном стремлении все улучшить, все расширить, все обогатить.

Воздух, стоящий над этой разбухшей целиной и над ее промышленными бастионами-городами, удивителен: это давно нам знакомый чужесный, свежий воздух первых пятилеток, озонированный упорной надеждой и непобедимой волей, — воздух действия, активности и возбуждающий, тот, которым жила наша страна в годы своей юности, в годы Магнитостроя, Днепроэстра, совхоза «Гигант», Харьковского тракторного завода, Сталинградского «большого комбайнера».

Народный подвиг уборки целинного хлеба ко времени нашего появления здесь был завершен. Почти отовсюду уехали студенты, комбайнеры, трактористы, комсомольские бригады, волонтеры тысяч автомобилей — все те, кто по призыву партии слетелся со всех сторон страны в Алтайский край на помощь творцам его урожая.

Но стоило посмотреть поближе на жизнь, ключом бьющую здесь, чтобы сразу стало ясно, что хотя битва и отгремела, но само сражение все еще идет. Правда, вызван-

ратура дала немало замечательных произведений, показывающих всемоу человечеству нашу советскую жизнь.

Конечно, отсутствие писательской организации Российской Федерации ставило в невыгодные условия русских писателей, мешало развитию местных писательских организаций, в том числе и в гор. Горьком. Организация Союза писателей РСФСР устранила эти препоны и создает благоприятные условия для роста русской советской литературы.

Вновь созданный Оргкомитет Союза писателей Российской Федерации должен помочь наладить регулярный выпуск в гор. Горьком литературного журнала, издавать сборники и отдельные произведения местных писателей, широко выдвигать молодые таланты. Большую ответственность и творческий подъем почувствуют и старые писатели. Достаточно сказать, что выезд группы горьковских писателей в Москву, теплые встречи и выступления в Союзе писателей в «Литературной газете» воодушевили их, повисили их творческую активность, пробудили их чувство ответственности за состояние литературы в Горьковской области.

Выступление Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства дает нашим писателям и деятелям искусства верный компас в их работе, позволяющий им смело идти к вершинам мастерства, широко охватывать жизненные явления.

Вступая в сорок первый год существования Советского государства, русские советские писатели в гор. Горьком, как и во многих других местах Российской Федерации, умножат славные традиции русской литературы, обогатят наш прекрасный русский язык, создадут произведения, достойные нашей великой эпохи строительства коммунизма.

Так рождается будущее

Алтай — богатейшая житница на Востоке — привлекает к себе в эти дни внимание всех советских людей. За короткий срок здесь освоены огромные массивы нетронутых целинных земель — два с половиной миллиона гектаров — и эти земли щедро отдадут своим богатствам нарождающемуся Союзу.

Недавно на Алтай прибыла группа советских писателей во главе с председателем Оргкомитета Союза писателей Российской Федерации Леонидом Соболевым. Писатели побывали на полевых станках и на траках, познакомились с героическим трудом покорителей целины, с тем, кто зарзался и собрал обильный урожай.

Сегодня мы публикуем путевые заметки писателя Леонида Соболева.

Алтай. В этом кипении жизни, конечно, далеко не все гладко. Борьба за будущее, как бы близко оно ни было, всегда трудна. В особенности она сложна тогда, когда будущее само насаждает на настоящее, теснит его, вынуждает к немедленным действиям, организовывать которые на местах порой весьма трудно, ибо масштабы этих действий, определяемые самими масштабами целинного хлеба, никак не дежут в существующие бюджетные, плановые, технические и просто бытовые нормы.

КАБ НИ КОРОТКА была наша поездка по Алтайскому краю, в небольшом письме рассказать о ней невозможно. Надо лишь попытаться передать читателю самое главное. А оно, по глубокому моему убеждению, заключается именно в этом всеобщем поступательном движении, в ярко выраженной тенденции развития, охватывающей во всех явлениях внешней жизни, в оптимистическом и плодотворном стремлении все улучшить, все расширить, все обогатить.

Воздух, стоящий над этой разбухшей целиной и над ее промышленными бастионами-городами, удивителен: это давно нам знакомый чужесный, свежий воздух первых пятилеток, озонированный упорной надеждой и непобедимой волей, — воздух действия, активности и возбуждающий, тот, которым жила наша страна в годы своей юности, в годы Магнитостроя, Днепроэстра, совхоза «Гигант», Харьковского тракторного завода, Сталинградского «большого комбайнера».

Поразительно, с какой силой теперь, перед 40-летием нашей советской Отчизны, воскресают традиции ее славной истории! Но это вполне закономерно: подъем целинных земель дал Алтаю новые ясные и зримые перспективы развития.

Вот главное, что воспринимает человек, впервые знакомящийся с

С. ВАСИЛЬЕВ ГЛУБИНКА Да бурый орел величавый Пройдет стороной над стерней. Умна осторожная птица, Глядит напряженно степяки. Тада, где стремительно мчится, Пыля, грузовой порожник. Известно: бегут самосалы — Езда — не езда, а полет, Не дай бог какой-нибудь мальчи! В орле из даустовки пальнет!

...Алтайцы не терпят застоя. А ну-ка за дело, брате! И снова зерно молодое Ручьями течет в кузова. АТТАЯ. Поспелихинский район.

В. И. Ленин в семье рабочего.

Картина художника М. КРИВЕНКО.

Первые комиссары революции рассказывают...

НА ДНЯХ московские писатели встретились с первыми комиссарами революции.

В коротком вступительном слове А. Безыменский отметил, что жизнь старых большевиков богата неисчерпаемыми темами для писателей. Бывший секретарь бюро комиссаров Петроградского военно-революционного комитета С. И. Шульга упрекнула писателей в том, что почти не отражен в произведениях о революции образ гражданского комиссара 1917 года.

С интересными воспоминаниями о Ленине, о революции выступили бывший комиссар станции Званка А. С. Гундоров, бывший комиссар типографии «Русская воля» С. Г. Уралов и другие.

АРАГОН МОСКОВСКАЯ НОЧЬ

(Фрагмент из «Неоконченного романа»)

По собственным следам иду я в удивленье: Все неизменно здесь, и все здесь — в измененьи. Прошло лишь двадцать лет, а город стал другой, И все-таки еще его приметя те же: Снег, звезды над Кремлем, широкий свод Манежа, Но только — ночь светлей, но только я — седой.

Иду, смотрю, порой своим глазам не веря, Вот, площадь переидя, встал Пушкин в новом сквере, А вдоль бульвара вниз — решетки с двух сторон, Как строки на снегу, и кажется, что это Под звездами декабря раскрыл тетрадь поэта Для тех, кто бродит здесь, задумчива и влюблен.

Чайковский предо мной... Зима лишь отгнетла, Как слиты в нем в одно гармония и сила, Пусть иной гордый лоб слегка припорошил, Но в бронзовой свхваченном порыве вдохновенья Застыло навсегда мелодии рожденье, И молкнет перед ней скользящий шум машин.

Цепочками огней морозный воздух вышит, И полумрак ночной бежит с земли на крыши, И словно стражники, стоящие во мгле, Над мирной тишиной московских спящих улиц Высотные дома под небосвод взметнулись, И сотни новых звезд горят на их челе.

Зеленое крыльцо и домок деревянный, Старинный двор с его картиной постоянной, Здесь дворники дрова колоди для печей, Здесь — старина, здесь все как будто неизменно, И все-таки во всем заметна перемена — Вплоть до самих людей, до звука их речей.

Все выросло вокруг, все ново в этом мире, Москва, и те в плечах гораздо стали шире, Чутьи Москва-река могла полной вздохнуть; Обновлены ее и берега, и воды, Огромные по ней прохотят пароходы, Течет Москва-река — и к Волге держит путь.

Москва живет всегда, творя, держа, строя, Она, как женщина, что с утренней зарею Протусалась, но еще не ододела сна И тянется уже за новым мечтою, В ней все — порыв, любовь... Лес строек над Москвою, В грядущее она навеки влюблена.

Нет Воробьевых гор, откуда вдаль на город Смотрел Наполеон, — есть Ленинские горы! Отсюда сын Москвы теперь глядит на мать, Его глаза полны и радости, и света, Он смотрит на нее из Университета, Чей богатырский взлет одной Москве под стать.

Перевел с французского Н. РАЗГОВОРОВ

заводе, в целинном ли Поспелихинском совхозе, на элеваторе или на мельнице, в кошаре или в просторном корпусе сборки Алтайского тракторного завода, на асфальтовом проспекте нового Рубцовска или на многообещающих колдобинах созданного в нем городка «индузлов», как зовут здесь индивидуальных застройщиков, где возникло уже 350 аккратных домиков с палисадниками, откуда трогательно выглядывают саженцы, тоже стремящиеся в будущее, — везде мы слышали разговор об этом самом будущем, близко, осязаемо, уверенно, обязательно долженствующем быть созданным.

В совхозе — это новые дма, склады, коровники, дороги, колодези; на Алтайском тракторном — новый «ГТД-60» — трелевочный дизельный трактор в 60 сил, первый в Советском Союзе; на элеваторе — новая энергетика; у «индузов» — забота о теплоснабжении, у чабана — о стеклянных рамках в агятнике. Слушаешь это — и в памяти живо встают такие же разговоры на новостройках тридцатых годов. Все, о чем говорили тогда в будущем времени, — все осуществлено трудом советских людей. Уже есть и Днепроэс (добавок построенный вторично после безветной войны), есть и Магнитогорск, есть и Горьковский автомобильный завод, и десятки и сотни других. Более того, есть и то, о чем не мечталось вслух и не говорилось вперед, — атомная электростанция, баллистические ракеты, спутник.

Все это есть. И все, что мечтает народ иметь на Алтае, — все будет! Ведь всего лишь три года назад не было здесь этого океанского разлива золотого кузудинского, поспелихинского, камского зерна! А теперь Алтай слает государству 300 миллионов пудов. Так рождается будущее.

БАРНАУЛ. (По телефону)

Приветствие Лиона Фейхтвангера в связи с 40-й годовщиной Великого Октября

Лион Фейхтвангер прислал следующее приветствие к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции:

Сейчас, когда празднуется 40-я годовщина революции, математически верно, что существование Советского Союза обеспечено на сотни лет. На нашей планете нет ни одной державы, которая могла бы сегодня напасть на Советский Союз, не погубив самое себя и цивилизацию всего мира.

Удалось колоссальное начинание — построение государства не только в соответствии с требованием момента, но и в соответствии с продуманным планом. Даже противники признают, что Октябрьская революция — это важнейшее событие XX века. Но это не просто событие. Октябрьская революция положила начало третьему тысячелетию, и в будущем истории будут называть 7 ноября 1917 года началом новой эры.

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

«Проводы». Линогравюра художника Л. Ройтера (из серии «Студенты на целине»).

Беседа с Жаном Дютуром

В МОСКВЕ я чувствую себя, как в городе, который мне хорошо знаком, и вместе с тем я почти на каждом шагу вижу здесь что-нибудь новое. — Так начал свой ответ французский писатель Жан Дютур, которого наш корреспондент попросил рассказать о его первых московских впечатлениях. Жан Дютур — автор ряда книг, вышедших в последние годы и привлекающих к себе внимание французских читателей. За свой роман «Мелничный путь» он получил в 1952 году премию Энтэрале (одна из четырех крупных ежегодных литературных премий). Его публицистическое произведение «Такси на Марну» (1956) вызвало оживленную дискуссию во французской печати. В Москве Жан Дютур гостит по приглашению Союза писателей. — Многие мне здесь знакомы, — продолжает он свой ответ. — потому, что я знаю Москву по прекрасным произведениям русской классической литературы, а также лучшим книгам советских писателей. Я думаю, что в своих лучших произведениях советская литература не нарушила связей с русской классикой. Она продолжает ее традицию, проникнутую любовью к человечеству, стремлением видеть человечество более счастливым. Однако книги и газетные статьи, разумеется, не дают возможности увидеть жизнь народа «своими собственными глазами», почувствовать ее. За те еще немногие дни, которые я прожил в вашей стране, я убедился, что русские и французы — это два народа, которые можно назвать братьями. Я говорю так не только потому, что чувствую везде теплый и радующий прием, много общего в нашем образе жизни и в наших образах мысли. Я не вижу причин, которые могли бы препятствовать полному взаимопониманию между нами.

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах великого сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе в канун славного юбилея и творческих замыслах. Нашему корреспонденту рассказали...

Владимир БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

СОРОК ЛЕТ... Прошло сорок огромных, изумительно богатых событиями лет, а память о самых первых советских годах свежа и сегодня — это будоражит мысль, движет паром... Не так давно я написал очерк «Октябрь в Москве», где шаг за шагом попытался восстановить все виденное и пережитое в огненные дни революции. О том, как весной 1917 года вернулся из эмиграции в Россию. О Москве тех дней, покоем на киплящий котел. Мечта о социалистической революции превращалась в реальный факт... Меня призывают на военную службу в качестве рядового 56-го летнего запаса полка. В сентябре вступаю в РСДРП(б). Молодым рабочим опытом оказываюсь полезным в полку — рассказы о годах, проведенных в капиталистическом аду, солдаты слушают с большим вниманием. Потом меня избирают членом Комитета пропаганды девятой роты... Октябрьские выборы в Москве. По поручению Военно-революционного комитета представляю ультиматум штабу белых, заседавших в Александровском военном училище... В январе 1918 года нахожусь в числе делегатов 3-го Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— Да здравствует Ленин!
— Ленин, Ленин, Ленин! — дружно подхватили голоса.
Из задних рядов президиума незаметно вышел невысокий, коренастый человек с характерной головой и большим лбом. Необычайно просто, серьезно и без улыбки, держа руки в карманах, он невольно поклонился раз, другой и, мягко кивнув, сказал, что выступит, когда до него дойдет очередь. Сказал и снова скрылся.
Кто хоть раз видел этого человека, тот навсегда запомнит его. Печать дела, дела революции, — первой в истории мира, — лежала на его лице. Об этом говорили его глаза, его жесты, каждая морщинка на лице. Об этом говорил весь его облик...

Очерк «Октябрь в Москве» напечатан. Но вспоминаются новые детали, новые яркие эпизоды, — и я снова сажусь за письменный стол. Хочется рассказать о штурмовых годах гражданской войны. Вспоминается жаркая работа в качестве председателя военной комиссии, а затем председателя горкома РКП(б) в прифронтовой полосе — события, послужившие впоследствии темой для пьесы «Штурм»...

К слову замечу, буквально в последние дни на экраны вышел юбилейный фильм «Штурм», сценарий которого создан мною и М. Блейманом, при участии М. Дубсона. Только что закончил я несколько рассказов, продолжающих зарубежный цикл, статью, разоблачающую пресловутую «Армию спасения». Готовлю к печати новый сборник, который назову «Путь к революции» или «Путь жизни».

Мне 73-й год. Сорок лет я прожил при Советской власти. Сорок лет борьбы, испытаний, участия в победном дерзании моего народа, сорок счастливых лет... Им — каждая строка, каждый шаг, до последнего дыхания...

Павел НИЛИН

Я ПОБЫВАЛ в Восточной Сибири, на своей родине. Видел новые города — такие, как совсем юный, только что рожденный Ангарск, и видел зародившиеся будущие города, вдали в сибирские колдовья. Поражает прежде всего то, насколько изменились, возмужали за последние годы тампы самой жизни. Люди живут, трудятся, строят с такой энергией, с такой влюбленностью и верой в свое дело, что, видя все это, нельзя не захваться их оптимизмом, их силой.
Мне припомнились, что неподалеку от нынешнего Ангарска когда-то, более чем столетие назад, была организована коммунистами одна из первых крестьянских комитетов. В ту пору коммунар горело пламя Октябрьских дней. Они Октября освещали новостройки, поднимавшиеся в тайге, невиданные раньше заводы и комбинаты. Год великого перелома, начало тридцатых годов, решительно изменивших облик всей страны. — это запомнилось навсегда. С корреспондентским блокнотом мне довелось поехать по Сибирь, по Уралу, видеть мощное движение коллективизации сельского хозяйства в селах, видеть рождение Магнитогорска и Кузнецкого комбината. Достигнутое в тридцатые годы предопределило нашу победу в Великой Отечественной войне. Сегодняшние потрясающие темпы жизни — это все нарастающий поток энергии, берущий начало от самого Октября. Это величайшая победоносная эстафета — из рук в руки, из сердца в сердце.
Я вернулся из поездки, чтобы поскорее засесть за новые книги. Конечно цикл «Подорожьи жизни». Кроме «Жестокости» и «Испытательного срока», а нем будут еще две повести. Потом — роман, связанный с современным широким развитием строительства на востоке нашей Родины. Вещь задумана давно. Последняя поездка помогла систематизировать, обогатить прежние впечатления. Оглядываясь назад, особенно ясно понимаешь, как много еще нужно сделать, как велик твой долг перед читателем.

Очерк «Октябрь в Москве» напечатан. Но вспоминаются новые детали, новые яркие эпизоды, — и я снова сажусь за письменный стол. Хочется рассказать о штурмовых годах гражданской войны. Вспоминается жаркая работа в качестве председателя военной комиссии, а затем председателя горкома РКП(б) в прифронтовой полосе — события, послужившие впоследствии темой для пьесы «Штурм»...

К слову замечу, буквально в последние дни на экраны вышел юбилейный фильм «Штурм», сценарий которого создан мною и М. Блейманом, при участии М. Дубсона. Только что закончил я несколько рассказов, продолжающих зарубежный цикл, статью, разоблачающую пресловутую «Армию спасения». Готовлю к печати новый сборник, который назову «Путь к революции» или «Путь жизни».

Мне 73-й год. Сорок лет я прожил при Советской власти. Сорок лет борьбы, испытаний, участия в победном дерзании моего народа, сорок счастливых лет... Им — каждая строка, каждый шаг, до последнего дыхания...

Встречи с читателями

НА ДНЯХ большая группа азербайджанских литераторов выехала в различные города и села республики. Там они встретятся с читателями, проведут литературные вечера, на которых расскажут об огромном значении выступлений Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства и о задачах республиканской писательской организации, подполит своим творческим планам.
В гости к читателям сельских районов побывает С. Рагимов, И. Эрендинов, Мир Дикаль, Мамед Рагим, А. Абулгасиев, О. Сарыев, М. Семенов, де, З. Халилов, И. Сафарли, С. Григорян и другие поэты и прозаики. Во время поездок писатели встретятся с передовыми сельскими хозяйствами, соберут материалы для очерков и стихотворений, с которыми выступят в праздничных номерах газет и журналов.
БАКУ. (Наш корр.)

40 ЛЕТ НАЗАД

Жануштурма

ПУТЬ был не близок. Он вел Большим Сампсовским проспектом по Выборгскому району, переводил Гренадерский мостом через Большую Невку на Петроградскую сторону и дальше — вдоль набережной реки Карповки...
Ленин шагнул быстро своей энергичной характерной походкой. Эйно Рахья шел рядом, внимательно вглядываясь в яркие осенние сумерки, ступавшие над Петроградом. У дома № 32 по набережной Карповки оба остановились.

В этом доме 10 октября 1917 года должно было состояться заседание Центрального Комитета большевистской партии. Ленин присутствовал на заседании ЦК впервые после июльских дней. Лява три дня назад машинист Гуго Яльва на пароходе № 2933 привез его из Финляндия в Петроград. Еще не исчезли тревоги и опасности последние дни подполья, еще седельный конспиративный парик прикрывал лоб Ильича, еще нужны были рискованные переходы по пустынным, настороженным улицам мимо конкерских патрулей. Но уже позади были шашал в Развилье, сентябрьские челятинские недели, проведенные в Финляндии... Ленин снова в Питере. Он здесь, где бьет сердце революции, в самый решающий, переломный момент.

ДОЛГОЖДАННЫЙ час настал. Подошел срок великого свершения. Стало не только возможно, стало необходимо именно теперь, именно в эти дни подняться на штурм буржуазного мира и в огне вооруженного восстания свергнуть старый строй.
Свергнуть старый строй — это не просто выиграть из Зимнего дворца самовлюбленного временщика Керенского. Свергнуть старый строй — значит повалить весь российский империализм.

НЕУДЕРЖИМЫЙ ход истории с каждым днем приближал этот час. Революция шла вперед через бурное море апрельской и июньской демонстраций, через обгоревшие рабочей кровью, нагретые июльским солнцем панели Петрограда, через окопы, возведенные перед наступающими на Питер корниловцами.
И вот, наконец, революция по-

АЛТАЙСКАЯ ЗАРИСОВКА

Вдоль поля и пригорок
Дальний поезд везет
Из Москвы на уборку
Комсомольский народ.

Средь студентов
столычных,
Словно их побратим —
Это стало обычным —
Есть кятаец один.

В наше дружное время
Он не сбoku сидит,
А смеется со всеми
И по-своей шумит.

И всему шешелю
Так близки оттого
Кителец немудреный
Вместе с кепкой его.

Вот Сибирь золотая,
Вот путей поворот,
И уже по Алтаю
Дымный поезд идет.

Песня все перепелты,
Время с полком слезать.
Вот уж станцию эту
Из окошка видать.

Вот уж с общим
радужшем
Ради встречи
с Москвой
Разражается тухом
Весь оркестр духовой.

Вот уже по равнинам
В беспросветной пыли
Грузовые машины
Москвичи повели.

По платформе
скиталец,
Озирал вокзал,
Этот самый китеец
Потерялся, отстал.

Огляделся он грустно,
Пробежал вдоль
пути,
А на станции пусто,
Ни машин, ни людей.

Под шатром
поднебесным
Не видать никого,
Ни начальников,
Ни местных,
Ни оркестра того,

Ни друзей из столицы,
Ни похвал, ни обид,
Только мерно шепица
По округе шумит.

Нет ей веса и счета
И краев не видать,
Как же станут ее-то
Без него убирать?

По гражданскому
долгу,
Как велит комсомол,
Он, не думая долго,
На глубину пошел.

Не какой-нибудь
дачник,
Не из праздных
гуляк —
В пилитере чеходничек,
За плечами рюкзаки.

Стоит стень, не спадая,
Солнце дужное жжет,
Паренек из Китая
На уборку идет.

И гудки грузовые,
Мчась навстречу,
в дыму,
Словно трубы России,
Салютуют ему.

БАРИАУЛ

У ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ

РЕШЕНИЯ состоявшегося недавно пленума ЦК КП Латвии, на котором много места заняли вопросы развития современной латвийской литературы и искусства, — вот что стояло в центре повести дня партийного собрания латвийских писателей. Несмотря на то, что докладу, сделанному Ф. Руминским, не хватало подробного и принципиального изложения тех серьезных претензий к отдельным литераторам и Союзу писателей в целом, которые прозвучали на пленуме ЦК, большинство выступлений свидетельствовало о том, что писатели Латвии правильно поняли партийную критику и задачи, стоящие перед ним. Э. Лагановского, который отводил критику в свой адрес и заодно пытался оправдать и тех писателей, произведения которых справедливо и резко осудила литературная общественность всей страны. Позитивно Э. Лагановского в своих выступлениях сурово осуждали К. Краулинь и Я. Ниелдр. Говоря о распространявшихся в последнее время среди некоторых писателей бытовых, мешанинских

настроениях, К. Краулинь отметил, что потерял перспектив, утратил чувства партийности, когда писатель начинает называть, как на нитку, одни отрицательные явления нашей действительности, можно объяснить появление книг, вроде романа В. Дудинича «Не хлебом единым». Нехороший дух идет и от произведений Э. Лагановского, Я. Ниелдр, всецело признав правильность критики ошибочных положений своей статьи в журнале «Коммунист Советской Латвии», назвал одним из главных недостатков работы республиканского Союза писателей в последнее время непрофессиональный взгляд на вещи и явления, недостаток партийного отношения к ним.

На собрании выступили также В. Берие, А. Григулис, В. Кауцун, А. Бауга и другие. Собрание признало необходимым в ближайшее время созвать всех латвийских писателей, коммунистов и беспартийных, для обсуждения тех важных идеологических вопросов, которые поставлены перед советской литературой в выступлениях Н. С. Хрущева.

РИГА. (Наш корр.)

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Зрители о кинофильмах «Здесь жил Ленин» и «Великий поворот»

НА ЭКРАНАХ многих кинотеатров в эти дни демонстрируются два новых документальных фильма — «Здесь жил Ленин» и «Великий поворот», к которым скоро присоединится и третий — «Незабытые герои». Это — живые, яркие страницы истории. Зрители с глубоким волнением смотрят эти фильмы и оставляют в книгах отзывы свои записи.

«Фильм «Здесь жил Ленин» — выдающееся произведение искусства, — пишет в книге отзывов столичный кинотеатр «Москва» Ю. Бродский, — которое по-настоящему волнует зрителя. Когда смотришь этот фильм, как бы переносишься в те далекие дни, как бы живешь в ту эпоху. Ощущаешь чувства глубочайшего уважения и любви, которые трудящиеся всего мира питают к В. И. Ленину».

«Большое спасибо авторам этого чудесного фильма», — пишет другой зритель, учитель по профессии (он так и подписывается: «Учитель»), — «В это произведение вложено много труда, вкуса, любви к Ленину. Остаются пожелать, чтобы чаще показывали Ленина, показывая революцию».

Об этом же пишет группа студентов МГУ и Московского инженерно-физического института «Фильм глубоко волнует», — заключают они. «Фильм является большим и ценным подарком к 40-й годовщине Октября. С чувством глубокой веры в будущее, преданностью великому В. И. Ленину, я, как, наверное, и все зрители, уходя из кинотеатра, — заканчивает свою запись доцент

Первый советский роман

ИМЯ Владимира Зазубрина ничего не говорит большому кругу сегодняшних читателей. А между тем он был автором первого советского романа «Два мира», который пользовался в свое время большим и заслуженным успехом (первый роман этот был издан в 1921 году).

В предисловии к одному из изданий книги М. Горький писал в 1928 году: «В 21-м году я видел эту книгу на столе В. И. Ленина: — Очень странная, жуткая книга, конечно, не роман, но хорошая, нужная книга».

Мне тоже кажется, что социальная польза книги этой значительна и совершенно неопорима. Написал ее человек весьма даровитый... Технические погрешности книги вполне покрываются гневом автора, гневом, с которым он рисует ужасы колючковщины, дининую жестокость белых и интервентов. Книга эта заслуживает широкого распространения в крестьянской массе... Не менее полезно и для молодежи познакомиться с этой книгой В. Я. Зазубрина — плохо знает молодежь вчерашний день... А годом раньше, в письме к селькорам М. Горький рекомендовал: «Очень советую вам, товарищи, читать книгу писателя Зазубрина — «Два мира», в этой книге он удивительно правдиво изобразил дику расправу белогвардейцев с крестьянами Сибири».

С жизнью и творчеством В. Зазубрина знакомит читателей начатая в № 4 журнала «Сибирские огни» обстоятельная статья Л. Баландина «Незженными дорогами».

На сцене — 2000 артистов

В ДНИ сорокалетия Великого Октября во Дворце спорта состоится спектакль-концерт, в котором примут участие 2000 артистов, певцов, музыкантов, танцовщиков. Из союзных и автономных республик в Москву приедут музыкальные, хоры, хореографические ансамбли и солисты. Среди участников концерта — Г. Уланова, А. Пирогов, И. Петров, Н. Мордвин, Б. Смирнов, Б. Бабочкин, Ю. Тимошенко и Е. Березин, Олег Попов и другие известные мастера театра, эстрады, цирка.

Спектакль-концерт объединит единой темой, охватывающей пять этапов сорокалетия истории нашего государства: Октябрьская революция, гражданская война, первые пятилетки, Великая Отечественная война и послевоенные годы.

Над постановкой этого массового зрелища работают режиссеры Б. Покровский, Г. Анисимов, А. Кошников, Ю. Петров, художник В. Рындин, балетмейстеры Р. Захаров, Л. Лавровский, В. Бурмейстер, И. Курилов и дирижер А. Гаук.

В этом году, — сообщил нашему корреспонденту заведующий Дворцом спорта В. Ильченко, — у нас состоятся и другие массовые представления — праздники советской оперы, песни, эстрады. К постановке их нами привлекаются режиссер Н. Охлопков, композиторы А. Новиков, В. Мурадели, художник В. Рындин и другие; в них примут участие И. Козловский, М. Рейзен, А. Пирогов, А. Иванов и другие артисты.

Читая журналы...

Первый советский роман

В статье дается четкая характеристика идейного содержания романа. Критик показывает, как в романе на конкретном материале гражданской войны в Сибири раскрываются «рост сознания рабочих и крестьян, решительный поворот основной крестьянской массы на сторону большевиков, внутренний крах белогвардейщины».

Л. Баландин не ограничивается в своей статье общей оценкой романа, подкрепленной приведенными высказываниями Горького. Не сводится статья и к пересказу основного содержания книги; критик дает в ней интересный и содержательный анализ «Двух миров», сочетая характеристику основных тематических линий романа и его ведущих героев с наблюдениями над важнейшими принципами и приемами его композиции.

ЖУРНАЛ знакомит также своего читателя с главой из романа Владимира Зазубрина «Два мира». В ней рассказывается о том, как соединились красные партизаны, отбиваясь от натиска интервентов и белогвардейцев, пробиваясь из окружения через непроходимую тайгу.

Сцены ожесточенной битвы партизанского заслона с наседающими до зубов вооруженными врагами чередуются в главе с эпизодами не менее героической и ожесточенной борьбы с тайгой. «Топоры стучали как пулеметы. Плыл со свистом гремя толстые стволы Рубахи и кофты промокли потом насквозь».

Литературная газета

22 октября 1957 г. № 127

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

КОГДА я думаю об удивительном образе Ильи Чавчавадзе и об огромном труде, посвященном его сознательную большую жизнь, я стараюсь представить его себе в той реальной обстановке, которая его окружала...

К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти Ильи Чавчавадзе

сердцем верил, что это будущее подведет итог начавшейся беспощадной борьбе с угнетателями жизни, падежами народов.

Описывая те достижения, которые девятнадцатый век дал в области распространения людей, говоря о том, как он, этот век, провозгласил новый идеал — «упражнение неравномерного распределения имущества и доходов между людьми. Упразднение всякого рода классового господства и, по возможности, всякого классового разделения, и установил право помощи и поддержки трудящихся классов». Чавчавадзе восклицал: «И в этом заключается вся горечь и боль, ликвидирующая которые девятнадцатый век занесла будущему веку».

Поэтому, скажем, день падения Парижской Коммуны был для него днем поражения великой любви, которая кровью своих мучеников укрепляла святое дело освобождения человека.

Историю задержан ход, И медлит обновлене мира. А для тирана — праздник: тот Опять вкушает сладость пира.

Перевод С. ШЕРВИНСКОГО

«Человек ли он?» — восклицал Чавчавадзе при виде того образа жизни, который вел окостеневший в своих животных привычках, тугой туннель — грузинский помещик, смотревший своими злыми глазами на народ, лишенный человеческого права. Но не только этот дикий и страшный образ преследовал воображение поэта. Палачи Парижской Коммуны были тоже из жуткого мира тиранов, влиставших в народы рабов и слуг.

И одним из очень страшных тиранов был царизм с его жандармами и всей полицейской силой, скрутившей жизнь узлами веревки и цепей.

Человек должен был восстать, человек должен был почувствовать, что он не одинок в этой борьбе. И мы, русские люди, с гордостью можем сказать, что те проведенные в Петербурге четыре года, которые Чавчавадзе считал фундаментом жизни, не были бы столь значительными, если бы прошли без участия великих друзей: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, чьи голоса громко звучали в стране, где власти хотели, чтобы властвовало беззаконие.

И слушая эти голоса, разбирался в сложном нападении национальных и общечеловеческих интересов, смотря в историю родного народа другими глазами, чем официальные историки. Чавчавадзе нашел в себе силы идти своей жизнью по новому пути, против течения, быть неутомимым патриотом, передовым писателем, который затронул самые сокровенные вопросы жизни грузинского трудового народа.

Была ли это эпоха, когда является писатель, в котором народ как будто соединил не только черты своего характера, но как бы дал ему право выразить собственные, народа, мысли в самой яркой, доступной и неповторимой форме. Несомненно, таким явлением в грузинской литературе был Илья Чавчавадзе.

Его многосторонний талант позволял ему переходить от одного жанра к другому, быть выдающимся поэтом, прозаиком, драматургом, критиком, публицистом, переводчиком. Помимо всего этого, он еще был таким громадным общественным деятелем, что за его вклад в развитие грузинской общественной мысли его можно назвать душой и сердцем прогрессивной грузинской интеллигенции.

Значение его произведений заключается еще в том, по-моему, что в национальном богатстве Грузии они связывают прошлое и будущее через судьбу народа, через веру в сияющие силы народного гения.

«Хроника «Летпис Грузии» не история народа, а история царей. Народ, как участник истории, оставлен в тени. Как будто для того, чтобы узнать историю народа, достаточно знать историю царей...» — восклицает Илья Чавчавадзе. Правильный облик народа, красота его души, сила его ума, мощь и неутомимость его трудящегося народа столько же, что терпеть их было невозможно. Но и одолеть их сразу тоже невозможно. Полицейский режим царской России был всецело на их стороне.

НА СТОРОНЕ Ильи Чавчавадзе были все молодые силы Грузии, писатели и общественные деятели, было будущее, в которое он верил. Верил, всем

правде, справедливости, идею восстановления свободной жизни грузинского народа. В поэме «Отшельник» он дал яркое доказательство неестественности ухода от людей, бегства человека в скалы и снега. Нет никакого оправдания в эгоистическом уединении отшельнической жизни. Человек живет в борьбе с народом, в гуще своего народа, делит его радости и горе и в искусстве видит ясную цель — отражать народную жизнь в ее самых живых, самых правдивых, живописных, сильных проявлениях, в создании больших, глубоко жизненных произведений, как Огарова злова, как Георгий — се сын, как Рабзоний Бако.

ЭТО ТВОРЧЕСКОЕ следование основным принципам реалистической литературы связывает Чавчавадзе с русской литературой самыми сердечными узами. Перасторжжми узы дружбы и культурного сотрудничества Грузии и России на протяжении веков. Недаром с такой любовью, так замечательно перевел Илья Чавчавадзе стихи Пушкина. И, конечно, «Пророк» должен был звучать для него с особой силой.

Он же видел на близких примерах это поэтическое родство, которое обожало таких поэтов, как Николай Бараташвили и Лермонтов. Все великие русские писатели XIX века не могли пройти незамеченными в Грузии. Грузинские литераторы отметили для себя их выдающиеся литературные подвиги, их борьбу за реалистические основы творчества, их раскрытие человеческого характера, которое потрясло западный мир в произведениях Л. Толстого, Достоевского.

Илья Чавчавадзе признает руководящую роль русской литературы в том влиянии, которое оказала она на духовные силы грузинского общества и наложила отпечаток на умы, мысли и чувства. Но это влияние не ограничивало грузинскую мысль, наоборот, оно толкало на новые поиски, на новую национально-освободительную борьбу.

В те годы в Грузии вместе с Акакием Церетели Илья Чавчавадзе встает как вождь всего прогрессивного и борющегося за права человека. Любовь и уважение к нему самых широких масс вызывают тайную, плохо скрытую злобу реакционеров, царских сатрапов. Почти полвека он высоко нес знамя национально-освободительного движения, зная новую грузинскую демократическую литературу. Он мог иметь разные утопические представления, ничего общего не имеющие с той возможностью осуществления народных идеалов, какие сложились во времена уже социалистической революции. Он мог ошибаться, как мог ошибаться всякий большой общественный и литературный деятель, но он не ошибался в главном — в победе демократической грузинской литературы, в победе народа над силами угнетения. И сегодня, принося великому писателю великую благодарность за его могучие труды, за его добрые помыслы о человеке, за его пламенную преданность делу первого человечества, за его дружбу с русской прогрессивной интеллигенцией, великой русской литературой, дружбу, связующую грузинский и русский народы, мы невольно совершаем паломничество по тем местам его родины, которые он описывал в своих поэмах, повестях, рассказах, стихотворениях. Мы видим, как удивительно изменилась Грузия, какой она отвечает своему великому сыну любовью и благодарностью за его самоотверженное, долгое, прекрасное служение грузинскому народу.

Темные силы, ненавидевшие его, предались проляги его кровь, но она упала на землю, которой он отдал всю свою любовь, и эта кровь горит в памяти народа, как яркое воспоминание. Она перешла в вечное пламя над великой могилкой, чтобы светить будущим поколениям в дороге к еще лучшему будущему, которую вдохновенно прокладывает предельное человечество, не жалея жертв и трудов!

Карло КАЛАДЗЕ

ДНИ ЧАВЧАВАДЗЕ ВСТРЕЧАЕТ ТБИЛИСИ

Родится утро в ярком ореоле. Преображая дремлющий простор...

Струится свет на Мтквари и Рioni. На холмы Грузии — на высв вварельских гор. В Арагии успевающий пролетит И в Алазань дерзующий нырнуть. Свержающий, он озарил столбину И к Руставели, вспыхнув, лег на грудь. Кавказских гор зауремные выси, Ингурских врон летучая листва Тебе кивают, урениый Тбилиси, С тобой встречают радость торжества...

Вот молодежь, стихом его согрета. Идет туда, где он, бессмертный, встал. Кладет цветы ему на пьедестал. Ждет Чавчавадзе — своего поэта...

Здесь жил поэт, не раз встречая бури, Вбирая боль своей родной земли... Терзаньем мы назвали Цицамури*, Любьюю мы Кварели нарекли**.

Минувшее не предано забвению. Мы не слепые, повторяем вновь: Мы помним те багровые мгновенья, В его сединах спекутся кровь. Воспоминанья потрясут снова. Минувшее становится видней: Злодейский выстрел девятсот седьмого Жил в каждом углу тех жестоких дней.

Нет, жизнь его враги не сократили, Его строка правдивая жива — Мы нашей жизнью его продлили, И в наших днях живут его слова.

Его стиху неведома усталость, Бессмертен он в пророчестве своем: Ведь то, что им надеждо называлось, Мы нашей алыю радостно зовем!

Перевел с грузинского Борис ДУВРОВИН

* Цицамури — место, где в 1907 году Чавчавадзе по дороге из Тифлиса в Сагурамо был убит при содействии агентов царской охраны.
** Кварели — место, где родился поэт, сакварели — по-грузински — любимый (игра слов).

ЕСЛИ БЫ составить кинохроникой советских фильмов, то, думается, туда за «одесской лестницей» из «Броненосца «Потемкина», за «психической атакой» из «Чапаева» и другими классическими сценами по праву мог бы войти эпизод проводов мобилизованных из фильма «Летят журавли».

Поначалу картину смотрит сполноно. Любовь ее героя Вероника и Бориса раскрывается в милых, трогательных, но по большей части традиционных деталях.

И вот война. И вдруг эта сцена, переворачивающая душу, сообщающая всему дальнейшему особую значительность и важность.

Сборный пункт мобилизованных. Железная решетка забора гранью беспощадной разлуки делит огромную, кипучую толпу, выплеснувшую наружу все самые заветные чувства... Плынут на экран лица, глаза, руки... Парень и девушка крепко обнялись, пристальный взгляд — наглядается досыта, запомнить: маленькая девочка судорожно, торопил, но покрывает поцелуями лицо отца: тяжеловесный мужчина, хояйственный настойчиво кричит сослуживцу что-то насчет накладных на напуску, и паренек в кругу остервенело бьет каблуками дробь. Все рядом: горе и веселье, тоска и беззаботная улыбка, проза и поэзия — все просто, и страшно, и прекрасно, как в жизни. Да это и есть сама жизнь — народ на переломе своей судьбы, в лихую, черную годину. Искусство обретает здесь достоверность хроник, оставаясь большим искусством.

И потому, что мы, сидящие в зале, знаем больше, чем они, знаем, как мало вернется их, солдат 41 го года, тех, кто там, на экране, целует детей, обнимает невест, смеется, плачет, обещает, надеется, верит, потому так особенно горько, трагически сильно звучит эта сцена.

И в это море человеческих страстей авторы бросают своих героев. Фигура Вероники, отчаянно, наперерз тегично пытающаяся пробиться к Борису (арт. А. Баталов), сам он, точно зажатый в шеренге, увлекательнее дальше, прочь, думающий только о ней в эти секунды, кулек с печенем, беспомощно брошенный Вероникой вслед Борису и раздаленный ногами бойцов. Вот и все.

Погруженная в пламень большого народного потрясения, любовь героев вдруг в эту минуту загорается огромным чувством. И судьба этих двух самых обычных москвичей видится уже как судьба всего их военного поколения, чья юность, а то и жизнь прошли под аккомпанемент канонады и бомбежек. Так камерная пьеса Розова «Вечно живые», положенная в основу фильма, перерастает в большую народную драму.

Одна сцена! Она подыала фильм, но, как ни странно, и оказалась для него роковой. Однако об этом позже.

В эпизоде проводов на фронт сценарист В. Розов, режиссер М. Калатоков, оператор С. Урусевский заново открыли нам, что может кинематограф, и какими должен он быть. Сколько в полевые годы мы видели фильмов, авторы которых словно не знали, что были на свете Эйзенштейн и Пудовкин, что существуют «Наполеон» и «Цор» — театральные представления, бесконечно разговорных, снятых небрежно и неуменно, лишенных намека на искусство монтажа и даже попыток игры деталями. В последние годы наш кинематограф стал возвращать себе свой язык. В фильме «Летят журавли» он заговорил полным голосом.

Вспомним хотя бы смерть Бориса, точно удушенную его собственным взглядом, все неждоное, мелькнувшее быстрым хороводом в угасающем сознании, или драматичные монтажные переходы, или великолепные портретные характеристики.

Такие подлинно вдохновенные, творческие влеты имеют принципиальное значение для нашего киноискусства. Не только потому, что прокладывают живую связь между прошлым и настоящим кинематографа, но и потому, что

Буревестник
Картина художника А. ЮРИНА

«ЮНОСТЬ МАРКСА»

ЧИТАТЕЛЬ С К И Е конференции стали традицией у студентов и работников Московского вечернего металлургического института. Состоявшаяся здесь вчера конференция была посвящена роману Галины Серебряковой «Юность Маркса». Много интересных рассказов писательница об истории создания книги. Сборная матер и а. м. Г. Серебрякова посетила в начале 30-х годов Германию, Англию, Голландию, Францию, различные музеи, библиотеки, архивы этих стран. Сейчас в Германской Демократической Республике готовится издание этого романа, приуроченное к 140-летию со дня рождения Карла Маркса. Выступавшие на конференции заинтересованные говорили о романе Преподователь истории КПСС П. Морозов отметил значение книги при изучении истории коммунистического движения. В заключение Г. Серебрякова рассказала о своих творческих планах.

Взлеты и падения

самим своим появлением уже отрицает фильмы аморфные, проффессионально беспомощные.

НО ВОТ смотришь «Летят журавли» и чем дальше, тем больше ощущаешь какое-то смутное беспокойство, даже обиду, точно тебе пообещали очень многое, а потом дали значительно меньше.

Вот здесь и вынырывает во второе, ровное для фильма значение сцены проводов, о котором мы говорили выше. Рядом со смертью и расставанием, с потерей отцов, мужей и детей не очень значительной оказывается вся история Вероники, так, как она рассказана в фильме. История падения и раскаяния, неудачного замужества Вероники, имени супруга и пощечин на чужом дне рождения.

Можно понять замысел авторов показать судьбу обычного человека в войне. Не героиню — обычную девушку, через которую идущую к нравственному очищению, несущую с собой огонь войны, несущую огромную любовь. Но, к сожалению, этот замысел не получил ни глубокого этического воплощения. Фильм крайне противоречив как в своей литературной основе, так и в чисто кинематографических решениях.

Неудача всей этой шумной и очень эффектной сцены бомбежки еще и в том, что она все объясняет чисто внешними причинами, не исходит из характера самой Вероники, из глубинных жизненных мотивов, не показывает, что это было ее первым компромиссом. С тобой случится несчастье... — подытоживает отец Бориса — старик Бороздин. И, точно отсекая возможные сомнения, категорически прибавляет: осуждать тебя может только тот, кто способен совершить худшее.

Мы, так же как и авторы, без сомнения, говорящие устами своего героя, — против безапелляционного мешанского осуждения. Но разобравшись в том, что произошло несчастье, трагическая случайность, насилие над человеком. Но почему тогда это случайное несчастье должно было стать в центре фильма, почему именно ему посвящено столько размышлений и мучительно стойких самоустрашений? Если это только несчастье, неожиданно вдруг свалившееся на голову человека, — стоит ли оно всех этих глобукомысленных авторских сентенций и такой затраты кинематографической фантазии?

А далее Вероника выходит замуж за Марка. И это уже, исходя из трагичности всего предыдущего, понять никак нельзя.

Авторы никак не разъясняют поступка своей героини. Вышла, и все тут. И здесь логика образа дает очень серьезную трещину.

«Когда старый хирург Бороздин в гневом азарте обличает какую-то беззастенчивую невесту из деревни, изменившую раненому солдату: копеека ей цена, если такого парня бросила и т. д., зритель кивает головой: «Во, правильно». Вероника — это совсем другое дело. И, как солдатка, выполнявшая много, ждвшая верю, она на светлом празднике мира в своем белом, без пятнышка платье раздает воням цветы, она становится символом всех тех, кто ждал и не дождался.

И думаешь: а за что такая честь, почему такое преклонение? Дело не в том, в юные концы, изменила она или не изменила. Беда в том, что героиня заурядна и в своей любви, и в своей жизни. В том, что настоящее чувства слишком часто подменяются у нее экзальтацией, а ее духовное обновление так же мало мотивировано, как и ее «несчастье». Неужто это перерождение в том, что она раздает солдатам букет, приготовленный для Бориса? Если это символ, то бедный, если житейская подробность, то лишняя логика. Нет, в жизни все проще, обыденнее, но шире, мудрее, естественней и человечней.

Мы не против изображения Вероники. Но, ради бога, не делайте из нее святых и героинь. Иначе пропадет то «правильное», то есть нравственное, отношение автора к предмету», которое Тол-

стой считал одним из главных условий истинно художественного произведения.

МАСТЕРСТВО и талантливо вость продемонстрированы авторами «Летят журавли» с таким блеском, что в них не приходится сомневаться. Но как часто эта талантливость расширяется вступают!

Вероника решила броситься под поезд. Из правого угла экрана по диагонали вверх движется взятое крупным планом ее лицо. Только лицо. Но вы чувствуете стремительность и неотвратимость этого движения. Оно захватывает вас — и вдруг «чуждое» спасение, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком умело, чтобы поверить в его жизнеспособность. Вот Володя пришел сообщить о смерти Бориса. Мальчишка, повеса, Хлестаков, он совершенно не подходит для этой миссии. После каждой фразы он должен погудеть на губной гармошке, чтобы прийти в нормальное состояние. Это все схвачено точно. И вдруг Володя торжественно вынимает руку Вероники из таза с мыльной водой и целует ее. Жизнь, сделанное литературно слишком

В ТЕ ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ...

Уильям ГАЛЛАХЕР

ГЛАЗГО и прилегающий к нему район реки Клайд — крупный центр машиностроения и судостроения Шотландии. В годы первой мировой войны этот район был охвачен всеобщим брожением. Митинги на улицах и во дворах, крупные массовые демонстрации и забастовки — все это в высшей степени воодушевляло рабочий класс, выступавший за увеличение заработной платы, за снижение цен на товары и платы за квартиры. Но на первом месте была борьба против империалистической войны — борьба за мир.

Именно в этом районе Шотландии в самом начале войны зародилось движение фабрично-заводских старост (шоп-стартов), являющееся в настоящее время огромной силой в английской промышленности. Именно здесь был центр неумолимой деятельности Джона Маклина, выдающегося марксиста и революционного агитатора Шотландии.

В этом крупном пролетарском центре, бывшем ареной непрерывных классовых боев и антивоенных выступлений рабочего класса, весте о Февральской революции в России и крушении царизма была встречена грандиозными радостными демонстрациями. «Да здравствует свободная Россия!» — было начертано на наших знаменах.

Но вскоре стало ясно, что Россия не так уж свободна, как мы думали. Контраст между первыми призывами Советов и поведением Временного правительства показал всем с полной очевидностью, что империалисты все еще так же активны, как и всегда, и стремятся использовать революцию в собственных целях.

С каким напряженным вниманием следили мы тогда за деятельностью Ленина и его соратников-большевиков! И чем больше английская пресса нападала и клеветала на наших русских товарищей, тем больше мы были уверены, что они на пути к победе. Их победа пришла даже раньше, чем мы этого ожидали. Теперь уже невозможно вновь пережить или опийск так, как мне бы хотелось, тот небывалый взрыв революционного энтузиазма, который вызвала в Глазго и во всем районе Клайда Октябрьская революция — это величайшее событие, потрясшее и изменившее весь мир.

На улицах, на предприятиях, в общественных залах в те дни можно было услышать: «Товарищи, подумайте только! Впервые в мировой истории, разгромавшей войнами и классовую борьбой, рабочие взяли власть в свои руки и прогнали навсегда разбойничьи капиталисты и помещики!»

Какой это был подъем, какое небывалое ликование! «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует пролетарская революция!» — таковы были теперь наши лозунги, шедшие от самого сердца.

Быть на передовой линии вместе с нашими русскими товарищами — вот чего мы хотели. У нас было стремление, у нас были массы мужчин и женщин, но, увы, у нас не было партии нового типа, бывшей столь решающим фактором в Октябрьские дни в России...

В начале 1918 года Советское правительство назначило Джона Маклина советским консулом в Глазго.

У ИЛЬЯМ Галлахер — президент Коммунистической партии Англии, один из старейших деятелей рабочего движения Великобритании. В период первой мировой войны он участвовал в организации комитетов фабрично-заводских старост. Эти комитеты сыграли большую роль в руководстве забастовочным и антивоенным движением в Англии, а после 1917 года вели энергичную борьбу, требуя от английского правительства прекращения интервенции и признания Советской власти. В 1921 году У. Галлахер вступил в ряды Коммунистической партии Англии и вскоре стал одним из ее руководящих деятелей. В 1935 году У. Галлахер был избран в палату общин, где в течение 15 лет представлял рабочий класс Англии. Сегодня мы печатаем статью У. Галлахера, написанную им по просьбе «Литературной газеты».

Глазго. Это назначение было очень одобрительно встречено рабочими, хотя мы все понимали, что это чисто почетное назначение, ибо в первые годы своего существования Советское правительство не было признано Англией. Через посредство Джона Маклина мы почувствовали себя составной частью этой революции. Вскоре Джон Маклин был арестован (уже не в первый раз). Его обвинили в «подстрекательстве к бунту». После судебного приговора его приговорили к пяти годам тюрьмы. К числу проводимых нами кампаний прибавилась еще одна — кампания за освобождение Маклина.

Но на передний план тогда выдвинулся вопрос о майском празднике. Всегда он отмечался в первое воскресенье мая, а не в день первого мая. Однако в 1918 году клайдский рабочий комитет, Национальный комитет фабрично-заводских старост стали настаивать, чтобы празднование состоялось в среду, первого мая. Многим казалось, что в шестни примет участие меньше народу, чем в обычных воскресных майских демонстрациях, но фабрично-заводские старосты знали, что этот призыв встретит широкий отклик среди рабочих.

В день Первого мая Глазго являл собой незабываемое зрелище. Все фабрики и заводы прекратили работу. Остановился транспорт. Нескончаемые колонны рабочих шли отовсюду в город. Это была величайшая майская демонстрация, какую когда-либо видел Глазго.

Вспоминая эти массы рабочих, шедших по улицам города с лозунгами: «Да здравствует рабочая Россия!», «Да здравствует первая рабочая Республика!», «Да здравствует мир!», уместно заметить, что со времени нашей первой крупной стачки в феврале 1915 года Глазго был «запретной зоной» для всех адвокатов империалистической войны, которых никто не желал слушать.

Первомайская демонстрация являлась новым доказательством силы движения фабрично-заводских старост. Наряду с борьбой за прекращение войны мы начали ставить вопрос о продолжительности рабочего дня.

Клайдский рабочий комитет вскоре принял решение о проведении забастовки под лозунгом введения сорокачасовой рабочей недели. Наш комитет был «неофициальным», как, впрочем, и все движенье фабрично-заводских старост, а также и все движение.

Публицистические статьи писателя тех лет характеризуют их автора как человека решительного, но отступающего перед властью имущих и страстно защищающего простого труженика. Станку бесстрашно борется против политики буржуазных партий и раздуваемой ими антисоветской войны.

После установления народной власти в Румынии перел Станку раскрывается полная возможность писать для тех и о тех, кто составляет гущу народа. Я думаю, что осознание этой возможности и воодушевило писателя на создание романа «Босой», книги, на мой взгляд, во всех отношениях примечательной.

ЧЕМ ЭТОТ РОМАН? Если ответить коротко, — о жизни румынских крестьян в начале XX века. Однако тема романа значительно шире. Она охватывает судьбу земледельца, угнетенного и обездоленного капитализмом. Станку сумел создать широкую картину крестьянской жизни, нарисовав характерные для всей капиталистической деревни.

Автор писал о своей книге: «Босой» — это книга, которую румынский народ, деревенская беднота писали не протяжении веков слезами и кровью. Я взял на себя лишь труд написать эту книгу чернилами.

Главная тема ее — земля во всех аспектах, ибо по стародавней крестьянской философии, по рожденной вековой бедностью, «у кого есть земля, тому море по колено».

Начало забастовки было назначено на понедельник, 27 января 1919 года. Весь клайдский промышленный район принял в ней участие. Прекратили работу все фабрики и заводы, все верфи. Ежедневно происходили массовые митинги и шествия. В пятницу, 31 января, одна из колонн демонстрантов направилась на Джорджсквер, где находилось здание муниципалитета. На флаштокте злания был поднят красный флаг. Его появление было встречено громкими приветственными криками. Я стоял на пороге какой-то статуи и произнес речь перед рабочими. Высказался о тыла появилась крупный отряд полиции и напал на собравшихся. Это вызвало неподдельное замешательство. Полиция стали теснить бастующих. Я соскочил с порога и набросился на главного констебля, руководившего нападением. Вскоре несколько полицейских застарили меня с окровавленной головой во двор муниципалитета. Вместе со мной туда были доставлены несколько других товарищей в таком же состоянии.

Весь об этом разнеслась среди бастующих, и они решили действовать. Появились две машины, груженные ящиками с бутылками лимонада. Рабочие захватили груз и использовали ящики для сооружения баррикады против конной полиции, а бутылки — как оружие. Другие бастующие, вооружившись прутьями от железных оград, перешли в контратаку на полицию. Вось день до позднего вечера шли бои с полицейскими, которым крепко доставалось всюду, где бы они ни появлялись.

В северной части города находились казармы Маршалл Барркс. Командование заперло ворота казарм на замки. Если бы солдаты вышли на улицу, они примкнули бы к рабочим.

Почти все руководители забастовки были арестованы. В эту ночь на Глазго царил зловещая тишина. Но в Лондоне, на Флитстрит, в этом центре английской прессы, и в Уайтхолле, правительственном центре, циркулировала всякого рода слухи о том, что в Глазго началась революция. На следующее утро, в субботу, в город ввели срочно переброшенные из Англии воинские части, укомплектованные новобранцами. На нескольких зданиях в центре города были установлены пулеметы. Для блокирования главных улиц были подготовлены катушки с колючей проволокой. Вот до чего дошло!

Лишенные руководства, забастовщики держались стойко, но правые лидеры три-юнонов делали все, чтобы расколоть их. Наконец, рабочие решили вернуться на фабрики и заводы так же сплоченно, как покинули их, с тем чтобы продолжать борьбу внутри предприятий.

При наличии действующего политического руководства все могло бы обернуться иначе. Но такого руководства у бастующих не было. Возрожденные Великой Октябрьской революцией, мы были сердцем и душой с большевиками. Однако у нас не было настоящей марксистской подготовки, и, следовательно, мы не могли выработать настоящей политической линии.

В то время я сам был сильно заражен настроениями сектанства, и только встретившись с Лениным на втором конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 году, я начал правильно понимать, в чем действительно состоит революционная политика.

Влияние Октябрьской революции на рабочих Глазго и всего промышленного района реки Клайд было поистине огромным.

Вопрос в повестку дня был включен единогласно. Уже сейчас можно с полной уверенностью предсказать, что «представитель правительства ее

писали о несчастье крестьян. Главная заслуга Станку, как мне думается, в том, что он сумел посмотреть на события прошлого глазами современного художника, нашего современника, и, используя литературу, обратил внимание на некоторую откровенность, «кусокотвоя» повествования Станку. Я полагаю, что это — его стиль, причем стиль прекрасный, вполне соответствующий энергичности его фразы, построению образов и всей художественной ткани романа.

СНАЗАЛ Станку, что на нем особое впечатление произвел стиль романиста Станку, я полагаю, не мог бы представить его иным. Говорит он, как и пишет, точными фразами, сопровождаемыми из них улыбки или коротким жестом руки.

Я спросил, над чем он работает сейчас, Станку засмеялся. — Главным образом над посланиями румынской «Литературной газеты», — сказал он. — К этому меня обязывает должность главного редактора. А в свободное от газетной работы время пишу книгу, действие которой является продолжением «Босого» в условиях первой мировой войны.

При воспоминании о нашей беседе мне хочется высказать то, чего я не сказал тогда Станку: — Я был счастлив пожать вам руку и в вашем лице приветствовать молодую литературу молодой Румынии.

Исполнилось семьдесят пять лет со дня смерти одного из выдающихся венгерских поэтов — Яноша Араня, товарища по борьбе и друга Шандора Петефи.

Вся его жизнь и творчество неотделимы от той борьбы, которую вел в середине прошлого века венгерский народ за свою национальную независимость. Начало творческой работы Яноша Араня относится к орловским годам, когда в стране особенно широкий размах приобрела общественная борьба. Хорошо понимая содержание политики правящих классов, поэт выпускает пародию «Потерянная конституция», приносящую ему популярность среди читателей. Янош Араня рассказал в этой пародии о выборах, на которых народ, по сути, не имел права голоса.

Подлинно творческой победой Яноша Араня явилась его поэма «Толди», написанная в 1847 году. Миклош Толди — полупрозрачный герой XIV столетия, который, согласно преданию, был простым крестьянином, а стал знаменитым витезем короля Лайоша. Янош Араня выделил наиболее демократические черты характера своего героя. Читатели видели в образе Толди черты национального характера венгерского крестьянина. Вся поэма, написанная сонным народным языком, изобилует образами народных легенд и преданий.

Шандор Петефи еще в рукописи прочел это произведение, сразу же написал Араня письмо и посвятил ему одно из своих стихотворений. Другом с Петефи поддержала Яноша Араня, помогла ему глубже осознать свой долг поэта. Он выступает с рядом стихотворений, в которых все более сильно звучат революционные мотивы. Араня продолжал работу над своей поэмой «Толди» и прерывает ее только в связи с событиями революционного 1848 года. После отмены цензуры первый отпечатанный экземпляр своего стихотворения «Национальная песня» Петефи посылает Араню, который отвечает ему письмом, а затем и сам становится в ряды революционной национальной гвардии. Он пишет стихотворение «Песнь национально-го гвардейца», впоследствии переложенное на музыку и пользова-

тельным центром, циркулировала всякого рода слухи о том, что в Глазго началась революция. На следующее утро, в субботу, в город ввели срочно переброшенные из Англии воинские части, укомплектованные новобранцами. На нескольких зданиях в центре города были установлены пулеметы. Для блокирования главных улиц были подготовлены катушки с колючей проволокой. Вот до чего дошло!

Лишенные руководства, забастовщики держались стойко, но правые лидеры три-юнонов делали все, чтобы расколоть их. Наконец, рабочие решили вернуться на фабрики и заводы так же сплоченно, как покинули их, с тем чтобы продолжать борьбу внутри предприятий.

При наличии действующего политического руководства все могло бы обернуться иначе. Но такого руководства у бастующих не было. Возрожденные Великой Октябрьской революцией, мы были сердцем и душой с большевиками. Однако у нас не было настоящей марксистской подготовки, и, следовательно, мы не могли выработать настоящей политической линии.

В то время я сам был сильно заражен настроениями сектанства, и только встретившись с Лениным на втором конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 году, я начал правильно понимать, в чем действительно состоит революционная политика.

Влияние Октябрьской революции на рабочих Глазго и всего промышленного района реки Клайд было поистине огромным.

Вопрос в повестку дня был включен единогласно. Уже сейчас можно с полной уверенностью предсказать, что «представитель правительства ее

писали о несчастье крестьян. Главная заслуга Станку, как мне думается, в том, что он сумел посмотреть на события прошлого глазами современного художника, нашего современника, и, используя литературу, обратил внимание на некоторую откровенность, «кусокотвоя» повествования Станку. Я полагаю, что это — его стиль, причем стиль прекрасный, вполне соответствующий энергичности его фразы, построению образов и всей художественной ткани романа.

СНАЗАЛ Станку, что на нем особое впечатление произвел стиль романиста Станку, я полагаю, не мог бы представить его иным. Говорит он, как и пишет, точными фразами, сопровождаемыми из них улыбки или коротким жестом руки.

Я спросил, над чем он работает сейчас, Станку засмеялся. — Главным образом над посланиями румынской «Литературной газеты», — сказал он. — К этому меня обязывает должность главного редактора. А в свободное от газетной работы время пишу книгу, действие которой является продолжением «Босого» в условиях первой мировой войны.

При воспоминании о нашей беседе мне хочется высказать то, чего я не сказал тогда Станку: — Я был счастлив пожать вам руку и в вашем лице приветствовать молодую литературу молодой Румынии.

Классики литературы много

КЛАССИК ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

шеес широкой популярностью среди солдат, вставших на защиту родины.

Янош Араня берет в эти годы на себя редактирование газеты «Друг народа», в которой выступает с широким рядом ярких публицистических статей.

После поражения революции Араня вынужден скрываться. Некоторое время он жил в лесу и спал в стогах сена. Очень долго ему пришлось прятаться у друзей. Позднее он поступает преподавателем в гимназию.

В своем творчестве он продолжает демократические традиции народной поэзии. Его произведения, порою посвященные прошлому, клеймят тех, кто задушил свободу народа. Эти мотивы очень сильны в произведениях Араня послереволюционного периода, например в балладе «Уэльские Барды».

В шестидесятые годы Янош Араня редактирует один из венгерских литературных журналов, а затем становится секретарем Акаде-

мии наук. Он выпускает ряд научных трудов, пишет статьи, много переводит. Особенно известны его переводы драм Шекспира, он был также одним из первых переводчиков произведений Гоголя на венгерский язык. Поэт скончался в 1882 году, окруженный уважением соотечественников.

Реалистическая поэзия Яноша Араня пользуется широкой популярностью и в народной Венгрии. Венгерский народ высоко ценит и любит творчество своего поэта-патриота, всю жизнь отдавшего благородному делу борьбы за национальное освобождение.

Америка догоняет...

«П АЛЕЦ снят с курка», — сказал сегодня один из делегатов ООН.

Н. ГРИБАЧЕВ

Розовый цвет его оптимизма излишне густ. Правда, в повестку дня Генеральной Ассамблеи включена жалоба Сирии на угрозу агрессии. Но главные американские морские силы все еще топчутся и крутятся у берегов Турции, катая по волнам около восьмидесяти артиллерий, самолетов и атомной подводной лодки. Однако эта среднемогучая карусель уже не сулит американской политике повышения ее международных позиций... Мы смотрели на лицо Кэбота Лоджа, заместителя прививочной «толубогатой улыбки» со стеклянным ответом леденца на нем лежала серая тень усталости и забоченности, а обе руки были поднесены ко рту, словно он через силу удерживал окрик по адресу своих «спутников».

Снова прозвучали председатель Генеральной Ассамблеи Лодж Мурро — прозвучали, как всегда, с печальной и притом одной и той же стороны. Когда после сирийского делегата, изложившего жалобу, советский министр иностранных дел А. А. Громыко указал, что срочная жалоба эта по непонятным причинам откладывалась больше чем на двое суток, его перебил Мурро и начал невнятно оправдываться, ссылаясь на ожидание инструкции турецким делегатом и на свою поездку в Вашингтон.

Спокойно выслушав эти оправдания, советский представитель сказал, что, быть может, господин Мурро удалось убедить самого себя, но ни в коем случае не делегатов, которым такое поведение представляется попыткой играть на руку некоторым кругам. Раздался смех. Лицо Лесли Мурро, и без того всегда красное, стало похоже на факел, выжженный перед аспидного цвета микрофоном.

Говорят, что он ездил в Вашингтон встречать английскую королеву. Допустим. Однако даже в этом случае он сильно переоценил историческое значение своей личности — английская королева, наверняка, предпочтет спокойствие своих подданных его побоебострастному поклону. В действительности же причина проволочки крылась не в монархическом экстазе председателя сессии, а в закланных попытках американской делегации не допустить включения в повестку дня жалобы Сирии. Она не удалась. Лодж предложил заменить формулировку «Жалоба на угрозу независимости Сирии» попыткой навесть тень на плетень и повернуть дело таким образом, будто это независимость у Сирии уже некто отобрал. Не прошла и эта формулировка. Тогда, чтобы не остаться в одиночестве, Лодж снял свое предложение. Другого выхода, чтобы избежать открытого поражения, у него не было.

Вопрос в повестку дня был включен единогласно. Уже сейчас можно с полной уверенностью предсказать, что «представитель правительства ее

писали о несчастье крестьян. Главная заслуга Станку, как мне думается, в том, что он сумел посмотреть на события прошлого глазами современного художника, нашего современника, и, используя литературу, обратил внимание на некоторую откровенность, «кусокотвоя» повествования Станку. Я полагаю, что это — его стиль, причем стиль прекрасный, вполне соответствующий энергичности его фразы, построению образов и всей художественной ткани романа.

СНАЗАЛ Станку, что на нем особое впечатление произвел стиль романиста Станку, я полагаю, не мог бы представить его иным. Говорит он, как и пишет, точными фразами, сопровождаемыми из них улыбки или коротким жестом руки.

Я спросил, над чем он работает сейчас, Станку засмеялся. — Главным образом над посланиями румынской «Литературной газеты», — сказал он. — К этому меня обязывает должность главного редактора. А в свободное от газетной работы время пишу книгу, действие которой является продолжением «Босого» в условиях первой мировой войны.

При воспоминании о нашей беседе мне хочется высказать то, чего я не сказал тогда Станку: — Я был счастлив пожать вам руку и в вашем лице приветствовать молодую литературу молодой Румынии.

Классики литературы много

«П АЛЕЦ снят с курка», — сказал сегодня один из делегатов ООН.

Розовый цвет его оптимизма излишне густ. Правда, в повестку дня Генеральной Ассамблеи включена жалоба Сирии на угрозу агрессии. Но главные американские морские силы все еще топчутся и крутятся у берегов Турции, катая по волнам около восьмидесяти артиллерий, самолетов и атомной подводной лодки. Однако эта среднемогучая карусель уже не сулит американской политике повышения ее международных позиций... Мы смотрели на лицо Кэбота Лоджа, заместителя прививочной «толубогатой улыбки» со стеклянным ответом леденца на нем лежала серая тень усталости и забоченности, а обе руки были поднесены ко рту, словно он через силу удерживал окрик по адресу своих «спутников».

Снова прозвучали председатель Генеральной Ассамблеи Лодж Мурро — прозвучали, как всегда, с печальной и притом одной и той же стороны. Когда после сирийского делегата, изложившего жалобу, советский министр иностранных дел А. А. Громыко указал, что срочная жалоба эта по непонятным причинам откладывалась больше чем на двое суток, его перебил Мурро и начал невнятно оправдываться, ссылаясь на ожидание инструкции турецким делегатом и на свою поездку в Вашингтон.

Спокойно выслушав эти оправдания, советский представитель сказал, что, быть может, господин Мурро удалось убедить самого себя, но ни в коем случае не делегатов, которым такое поведение представляется попыткой играть на руку некоторым кругам. Раздался смех. Лицо Лесли Мурро, и без того всегда красное, стало похоже на факел, выжженный перед аспидного цвета микрофоном.

Говорят, что он ездил в Вашингтон встречать английскую королеву. Допустим. Однако даже в этом случае он сильно переоценил историческое значение своей личности — английская королева, наверняка, предпочтет спокойствие своих подданных его побоебострастному поклону. В действительности же причина проволочки крылась не в монархическом экстазе председателя сессии, а в закланных попытках американской делегации не допустить включения в повестку дня жалобы Сирии. Она не удалась. Лодж предложил заменить формулировку «Жалоба на угрозу независимости Сирии» попыткой навесть тень на плетень и повернуть дело таким образом, будто это независимость у Сирии уже некто отобрал. Не прошла и эта формулировка. Тогда, чтобы не остаться в одиночестве, Лодж снял свое предложение. Другого выхода, чтобы избежать открытого поражения, у него не было.

Вопрос в повестку дня был включен единогласно. Уже сейчас можно с полной уверенностью предсказать, что «представитель правительства ее

писали о несчастье крестьян. Главная заслуга Станку, как мне думается, в том, что он сумел посмотреть на события прошлого глазами современного художника, нашего современника, и, используя литературу, обратил внимание на некоторую откровенность, «кусокотвоя» повествования Станку. Я полагаю, что это — его стиль, причем стиль прекрасный, вполне соответствующий энергичности его фразы, построению образов и всей художественной ткани романа.

СНАЗАЛ Станку, что на нем особое впечатление произвел стиль романиста Станку, я полагаю, не мог бы представить его иным. Говорит он, как и пишет, точными фразами, сопровождаемыми из них улыбки или коротким жестом руки.

Я спросил, над чем он работает сейчас, Станку засмеялся. — Главным образом над посланиями румынской «Литературной газеты», — сказал он. — К этому меня обязывает должность главного редактора. А в свободное от газетной работы время пишу книгу, действие которой является продолжением «Босого» в условиях первой мировой войны.

При воспоминании о нашей беседе мне хочется высказать то, чего я не сказал тогда Станку: — Я был счастлив пожать вам руку и в вашем лице приветствовать молодую литературу молодой Румынии.

Классики литературы много

«П АЛЕЦ снят с курка», — сказал сегодня один из делегатов ООН.

Розовый цвет его оптимизма излишне густ. Правда, в повестку дня Генеральной Ассамблеи включена жалоба Сирии на угрозу агрессии. Но главные американские морские силы все еще топчутся и крутятся у берегов Турции, катая по волнам около восьмидесяти артиллерий, самолетов и атомной подводной лодки. Однако эта среднемогучая карусель уже не сулит американской политике повышения ее международных позиций... Мы смотрели на лицо Кэбота Лоджа, заместителя прививочной «толубогатой улыбки» со стеклянным ответом леденца на нем лежала серая тень усталости и забоченности, а обе руки были поднесены ко рту, словно он через силу удерживал окрик по адресу своих «спутников».

Снова прозвучали председатель Генеральной Ассамблеи Лодж Мурро — прозвучали, как всегда, с печальной и притом одной и той же стороны. Когда после сирийского делегата, изложившего жалобу, советский министр иностранных дел А. А. Громыко указал, что срочная жалоба эта по непонятным причинам откладывалась больше чем на двое суток, его перебил Мурро и начал невнятно оправдываться, ссылаясь на ожидание инструкции турецким делегатом и на свою поездку в Вашингтон.

Спокойно выслушав эти оправдания, советский представитель сказал, что, быть может, господин Мурро удалось убедить самого себя, но ни в коем случае не делегатов, которым такое поведение представляется попыткой играть на руку некоторым кругам. Раздался смех. Лицо Лесли Мурро, и без того всегда красное, стало похоже на факел, выжженный перед аспидного цвета микрофоном.

Говорят, что он ездил в Вашингтон встречать английскую королеву. Допустим. Однако даже в этом случае он сильно переоценил историческое значение своей личности — английская королева, наверняка, предпочтет спокойствие своих подданных его побоебострастному поклону. В действительности же причина проволочки крылась не в монархическом экстазе председателя сессии, а в закланных попытках американской делегации не допустить включения в повестку дня жалобы Сирии. Она не удалась. Лодж предложил заменить формулировку «Жалоба на угрозу независимости Сирии» попыткой навесть тень на плетень и повернуть дело таким образом, будто это независимость у Сирии уже некто отобрал. Не прошла и эта формулировка. Тогда, чтобы не остаться в одиночестве, Лодж снял свое предложение. Другого выхода, чтобы избежать открытого поражения, у него не было.

Вопрос в повестку дня был включен единогласно. Уже сейчас можно с полной уверенностью предсказать, что «представитель правительства ее

писали о несчастье крестьян. Главная заслуга Станку, как мне думается, в том, что он сумел посмотреть на события прошлого глазами современного художника, нашего современника, и, используя литературу, обратил внимание на некоторую откровенность, «кусокотвоя» повествования Станку. Я полагаю, что это — его стиль, причем стиль прекрасный, вполне соответствующий энергичности его фразы, построению образов и всей художественной ткани романа.

СНАЗАЛ Станку, что на нем особое впечатление произвел стиль романиста Станку, я полагаю, не мог бы представить его иным. Говорит он, как и пишет, точными фразами, сопровождаемыми из них улыбки или коротким жестом руки.

Я спросил, над чем он работает сейчас, Станку засмеялся. — Главным образом над посланиями румынской «Литературной газеты», — сказал он. — К этому меня обязывает должность главного редактора. А в свободное от газетной работы время пишу книгу, действие которой является продолжением «Босого» в условиях первой мировой войны.

При воспоминании о нашей беседе мне хочется высказать то, чего я не сказал тогда Станку: — Я был счастлив пожать вам руку и в вашем лице приветствовать молодую литературу молодой Румынии.

Классики литературы много